

Глава 18

Чу Чжаохуай, хоть и кипел от негодования, спорить не решился. Он лишь угрюмо уселся на место и принялся сосредоточенно уничтожать апельсины.

Цзи И наблюдал за этой сценой с нескрываемым ужасом.

«Как он смеет так пренебрегать этикетом? — Шицзы нервно сглотнул. — Неужели совсем не боится, что отец велит его казнить?»

Цзи Сюнь сидел с невозмутимым видом, по которому невозможно было прочесть его мысли.

— Если во дворце накопились важные дела, А И готов взять на себя часть забот и помочь отцу, — набравшись храбрости, робко произнес юноша.

— Хм, дела и впрямь не терпят отлагательств, — Цзи Сюнь лениво очистил апельсин и протянул дольку Чу Чжаохуаю. — Как раз за пределами столицы объявились разбойники. Промышляют грабежами, но пока не набрали большой силы. Раз ты так рвешься помочь, возьми пару стражников и разгони эти несколько сотен бандитов.

Цзи И: «...»

Чу Чжаохуай: «Кха-кха-кха!»

Наследник, давно привыкший к тому, что отец изъясняется подобным образом, лишь покорно склонился:

— Тогда сын откланяется.

— Иди.

Цзи И поддержал спящего беспробудным сном Лян Фана и покинул комнату.

Когда кашель утих, Чу Чжаохуай не удержался от вопроса:

— Неужели прямо под стенами столицы водятся разбойники?

В столице всё сверкало роскошью и богатством, и он полагал, что лихие люди встречаются лишь в далеких краях вроде Цзяннани, где власть императора слаба.

Цзи Сюнь, услышав этот неприкрытый южный говор, поначалу хотел проигнорировать его, но, заметив, как лекарь расслабился и с аппетитом уплетает фрукты, словно жадный хомяк, внезапно оживился.

— Ну, за городскими стенами охраны меньше, так что смельчаки всегда найдутся, — князь сделал паузу и добавил с усмешкой: — А Ванфэй, я погляжу, неплохо освоил цзяннаньский акцент.

Чу Чжаохуай: «...»

Апельсин застрял у него в горле. Юноша выдавил из себя:

— Вче-вчера песенки слушал, вот и подхватил пару словечек.

Цзи Сюнь приподнял бровь:

— И какую же? Может, Ванфэй споет пару строк?

Чжаохуай песен отродясь не знал. В голове воцарилась пустота, из которой внезапно выплыл обрывок народного плача, подслушанного когда-то на рыночной площади. Недолго думая, он затащил:

— Ох, судьбинушка моя горькая, едва в дом вошла — белы одежды надела, схоронила я мужа-хозяина своего...

Цзи Сюнь: «...»

Инь Чжуншань, до того хранивший молчание, непроизвольно коснулся рукояти меча.

«Петь Ванье в лицо плач вдовы на поминках — вот уж истинное безрассудство»

Едва допев строку, Чу Чжаохуай словно очнулся. Лицо его мгновенно приобрело землистый оттенок.

«Это же я его только что похоронил! — он в панике замер. — Какое дурное предзнаменование!»

Прежде чем он успел начать оправдываться, Цзи Сюнь усмехнулся:

— Недурно. Весьма проникновенно и сладкозвучно.

Чу Чжаохуай захлопал глазами.

«И он даже не рассердился? А Цзи Сюнь, оказывается, человек доброй души»

Инь Чжуншань с каменным лицом убрал руку от меча, пытаясь найти оправдание странному поведению хозяина.

«Ладно. Раз Ванъе так благоволит этому человеку, значит, тот ему для чего-то нужен. Возможно, он станет ключевой фигурой в свержении Наследного принца!»

Мнимая «кротость» Цзи Сюня придала Чжаохуаю смелости. Он откашлялся и осторожно начал:

— Ванъе... вчера я был не в себе и совсем позабыл, что в праздник Сяонянь правительство разрешает азартные игры. Те золотые слитки...

Цзи Сюнь игриво вскинул бровь:

— Фениксовые апельсины вкусные?

Чжаохуай не понял, к чему этот вопрос, но послушно ответил:

— Вкусные. Очень.

— Вот и славно, — кивнул Цзи Сюнь. — Они куплены на то самое золото, что Ванфэй вчера сдал в казну. Этого запаса хватит, чтобы ты лакомился ими до самого Нового года.

Чу Чжаохуай: «...»

Он не верил своим ушам.

Сотня золотых — за три ящика апельсинов?!

Да, плоды сияли, словно золото, но они же не были отлиты из него! Почему так дорого?!

Чжаохуай был готов лишиться чувств от такой расточительности, тем более что проматывали его собственные деньги. Уцепившись за последнюю надежду, он спросил:

— Всё... всё потратили?

— Всё до последнего медяка.

Чу Чжаохуай готов был прямо сейчас отправиться к праотцам от досады.

Цзи Сюнь с интересом наблюдал за ним. Скрыга, узнав цену фруктов, перестал поглощать их с прежней жадностью. Теперь он даже не счищал белые волокна с долек, а одну маленькую дольку мусолил едва ли не вечно.

Неожиданно для самого себя Цзи Сюнь рассмеялся.

Пользуясь тем, что повязка скрывает его взгляд, Чу Чжаохуай бросил на него исполненный праведного гнева взор.

Князь развеселился еще сильнее, но, вдоволь натешившись, всё же проявил милосердие:

— Я заметил, тебе пришлось по вкусу оленина. В императорских угодах в десяти ли от города недавно выпал снег. Через пару дней я загляну туда по делам и привезу тебе оленя.

Чжаохуай замер. Лишь спустя мгновение до него дошло, что Цзи Сюнь пытается его утешить.

Редко кто обращал внимание на его чувства, а уж тем более — старался загладить вину таким иносказательным образом.

Его лицо вспыхнуло. Юноша принялся неловко вертеть в руках апельсиновую корку, которую так и не решился выбросить.

— Не нужно... Я и рыбу с удовольствием поем, — пробормотал он.

— Тогда, может, купим тебе новый комод? — голос Цзи Сюня стал еще мягче. — Я видел, что твой старый шкафчик из приданого лишился ножки, да и места в нем маловато.

Чу Чжаохуай покачал головой:

— Не стоит утруждать Ванъе.

У него была крыша над головой и еда — этого было более чем достаточно. К тому же на том низком шкафчике его мать собственноручно вырезала слова «Долгие лета». Он возил его с собой повсюду, и в нем хранилось всё его скромное имущество: медицинские трактаты, рецепты, немного серебра...

И очень много ядов.

Цзи Сюнь улыбнулся:

— Что ж, если что-то понадобится, просто скажи Чжао Бо.

— Хорошо, — Чжаохуай замялся, а затем робко спросил: — А могу я попросить у Чжао Бо немного денег из сокровищницы?

— Разумеется.

Лицо лекаря мгновенно просияло.

Странствуя по Цзяннани, он почти не скопил богатств. А потом еще и умудрился перейти дорогу какому-то важному господину, который подослал к нему убийц. Чжаохуай гоняли так, что он едва дух не испустил. В итоге он в полнейшем беспорядке, проведя полмесяца на палубе речного судна, вернулся в столицу почти с пустыми карманами.

Трогать приданое матери он не смел, тратить свое золото — жалел, поэтому решил, что самое время немного пощипать запасы княжеской усадьбы.

А на эти деньги он наймет вчерашних слуг, чтобы те пустили новые слухи.

Как постоянному клиенту, они наверняка окажут ему услугу с особым рвением.

Чу Чжаохуай вприпрыжку скрылся за дверью.

Цзи Сюнь смотрел вслед юноше, и в его глазах светилась мягкая улыбка.

Инь Чжуншань нахмурился:

— В донесении, которое Чжоу Хуань прислал из Цзяннани, на двух страницах девять раз упоминалось его «корыстолюбие». Ванье не боится, что он обчистит вашу сокровищницу дочиста?

Цзи Сюнь пропустил это мимо ушей и скомандовал:

— Позови Лю Чу. Завтра выступаем из города.

— За разбойниками? — уточнил Инь Чжуншань.

— За оленем.

Инь Чжуншань: «...»

Если бы он не следовал за князем тенью день и ночь, то непременно решил бы, что этот Чу Чжаохуай применил к его господину какое-то темное колдовство!

В этот момент в комнату поспешно вошел управляющий Чжао Бо.

— Ванье, только что Ванфэй взял из сокровищницы серебро.

Инь Чжуншань усмехнулся с видом человека, чьи худшие опасения подтвердились.

«Стоило только позволить — и он наверняка вынес несколько сотен золотых на свои прихоти»

— Сколько он взял? — спросил Цзи Сюнь.

Чжао Бо в замешательстве пробормотал:

— Пять лянов.

Инь Чжуншань: «?»

«И на что хватит этих крох?!»

Пяти лянов было предостаточно, чтобы подкупить двух слуг для распространения сплетен!

Чу Чжаохуай переоделся, надел повязку и отправился «в народ».

Пока в усадьбе Цзин-вана царила идиллия, в усадьбе маркиза Чжэньюань летели щепки.

Чу Цзин в ярости смахнул чашку со стола. Фарфор разлетелся вдребезги. Маркиз тяжело дышал, лицо его побагровело:

— Кто позволил этим слухам разойтись?!

Напротив него сидел мужчина в белых одеждах. Несмотря на зимнюю стужу, он неторопливо обмахивался веером. На его лице отчетливо виднелось родимое пятно. В каждом его жесте сквозила уверенная манера образованного человека.

— Вероятнее всего, это дело рук Цзин-вана. Без его дозволения никто не осмелился бы за одну ночь разнести это по всей столице.

Чу Цзин схватился за голову, чувствуя невыносимую боль в висках.

— Что задумал Цзи Минчэнь? Он знает, что это подмена, но при этом так потекает ему... Неужели у него есть туз в рукаве?

Мужчина в белом равнодушно заметил:

— Если бы Хоуе с самого начала отправил в усадьбу Цзин-вана Сяо-хоуе, мы бы сейчас не гадали.

Взор Чу Цзина заледенел.

— Я знаю, как дорог вам Чу Чжаоцзян. Но если Цзин-ван когда-нибудь взойдет на престол, неужели вы думаете, что при его мстительном нраве усадьба Чжэньюань останется в стороне?

Гость усмехнулся:

— Брак дарован самим Императором. И неважно, приложил ли руку Цзин-ван: если бы Ванфэй умер в его доме, это сочли бы за оскорбление монаршей воли — преступление тягчайшее. Жаль только, что Цзин-ван сохранил рассудок. Он не только не обрушил гнев на супруга, но и позволил ему жить.

Чу Цзин медленно закрыл глаза.

— Господин Жун, зачем вы пришли сегодня на самом деле?

Господин Жун, доверенное лицо Наследного принца, слегка склонил голову:

— Я лишь хотел спросить: что за человек ваш старший сын?

— Да какой в нем прок? — Чу Цзин поморщился. — С семи лет он рос в семье Бай в Линьани. Видимо, нахватался у деда каких-то основ лекарского дела, только и умеет, что рецепты наобум выписывать.

В письме, которое Чу Цзин отправил сыну, говорилось о смертельной болезни бабушки.

Чу Чжаохуай полмесяца добирался до столицы, страдая от морской болезни. Не успев и дух перевести, он без отдыха поспешил к «умирающей», дрожащими руками набросав несколько

рецептов.

— Наобум? — Жун окинул маркиза многозначительным взглядом. — Если его таланты так ничтожны, как же он до сих пор жив?

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Чу Цзин.

Господин Жун видел, что маркиз не питает к старшему сыну нежных чувств, а потому решил говорить прямо:

— За день до свадьбы я велел отравить его. Яд должен был убить его максимум через три дня.

Чу Цзин вздрогнул от ужаса.

— Но он жив, — продолжал Жун. — И более того, вчера на игорном судне он чувствовал себя превосходно и выиграл десятки тысяч лянов.

— Невозможно, — машинально вырвалось у маркиза.

Из Цзяннани ему слали вести, что Да-гунцзы — пустое место, одаренное лишь красивым лицом, и целыми днями только и делает, что ест да гуляет.

Уверившись в никчемности брошенного сына, Чу Цзин со спокойной совестью изливал всю отцовскую любовь на Чу Чжаоцзяна.

Заметив, что маркиз погрузился в раздумья, господин Жун попросил:

— Могу я взглянуть на рецепты, которые выписал ваш старший сын?

Чу Цзин велел слугам принести бумаги.

Господин Жун впился глазами в листки с назначениями. Долгое время он рассматривал подпись в конце текста, пока на его лице не расплылась зловещая улыбка.

Чу Чжаохуай всегда подписывал свои рецепты по привычке, и те, что он оставил в доме маркиза, не были исключением. На помятой бумаге красовались изящные, но твердые иероглифы.

— «Бай Цзи».

Тот самый великий лекарь, которого люди Наследного принца так долго и безуспешно пытались отыскать в Цзяннани.

Чу Чжаохуай громко чихнул.

Он огляделся по сторонам — его не покидало странное чувство, будто за ним следят.

У него совершенно не было осознания того, что он теперь Ванфэй и должен сидеть взаперти. Переодевшись в простую одежду, чтобы не привлекать внимания, он долго торговался на дороге и в итоге за пару медяков нанял попутную телегу, чтобы добраться до вчерашнего игорного судна.

Те двое слуг, мастера напускать туману, были на месте, вовсю зазывая гостей.

Чу Чжаохуай звонко щелкнул пальцами, подзывая их для разговора.

Слуги переглянулись.

Вчера, после встречи с «Богом Несчастий», они решили больше не связываться с опасными подработками. Но тут же вспомнили слова Цзи Сюня, сказанные с той его пугающей улыбкой: «Если он снова придет к вам — немедленно доложите в усадьбу».

Делать было нечего. Дрожая от страха, они подошли.

Чу Чжаохуай с размаху опустил на стол целых пять лянов.

— Доблестные мужи! У меня для вас еще одна порция слухов.

Слуги: «...»

Отказать они не могли, а потому, едва не плача, кивнули.

Чжаохуай мигом выдал заранее заготовленный текст:

— Эх, люди нынче совсем совесть потеряли! Кто это выдумал, будто Цзин-ван — сущий демон? Я сам видел: лицом пригож, благороден, словно чистый нефрит. С чего бы ему с ума сходить? Те, кто такое болтает, сами безумцы!

— И запишите еще: Цзин-ван заботлив, милосерден, талантами блещет и нравом кроток... Хм, ну, может, язык у него и островат — а, стойте! Последнее не пишите! За это добавлю вам еще один лян!

— Слухи — страшная сила, людей губят.

— Вот именно, вот именно.

<http://bllate.org/book/15341/1372781>